

1993, апрельский референдум, Советский район Москвы

Прием протоколов в Советском районе осуществлялся как обычно: члены районной комиссии вместе с сотрудниками секретариата райсовета проверяли правильность оформления протоколов и выполнение в них контрольных соотношений. Далее один из экземпляров протокола поступал на компьютерную обработку. Новым было то, что обработка должна была осуществляться по программе, присланной из городской комиссии.

Для этой цели райсовет выделил два компьютера. Ввод данных из протоколов в компьютер осуществляли два депутата Советского райсовета, А. Ю. Бузин и С. И. Блохин, работавшие в информационном центре райсовета. На меня районная комиссия возложила контроль за этим процессом.

Программа была основана на системе управления базами данных. Ввод данных протоколов не представлял особых трудностей, и все шло нормально. Однако, когда ввод данных был практически закончен, потребовалось объединить базы, находящиеся на двух компьютерах, в одну. Тут-то и произошел сбой. Бузину и Блохину потребовалось около двух часов для того, чтобы восстановить работу программы и получить конечные результаты.

Во время ввода данных Бузин и Блохин обнаружили несколько протоколов со странными результатами. Первым в этом ряду оказался протокол участковой комиссии №42. Ответы на первый вопрос: «да» 301, «нет» 904. На второй вопрос: «да» 882, «нет» 359. На третий вопрос: «да» 919, «нет» 191. Сразу же возникло подозрение, что по первому и третьему вопросам содержимое строк «да» и «нет» поменялось местами. Во-первых, такие результаты сильно отличались от того, что было в протоколах других участковых комиссий, в том числе соседних. Во-вторых, невозможно было представить, чтобы на одном и том же участке 74% не доверяли Ельцину и при этом 70% одобряло его социально-экономическую политику.

Я немедленно поставил в известность об этой аномалии членов районной комиссии. К этому времени протокол участковой комиссии был уже принят, и председатель отпущен. Я позвонил на участок, но там уже никого не было.

Через некоторое время было обнаружено еще несколько странных протоколов. В протоколе участковой комиссии №52 по четвертому вопросу записано: «да» 430, «нет» 850. Опять-таки, такой результат резко расходится с результатами по всем остальным участкам. В этом случае можно было легко предположить, как возникла ошибка: в этом же протоколе по третьему

му вопросу «да» 431, «нет» 851. То есть, по-видимому, при составлении протокола просто не оттуда переписали цифры.

В протоколе участковой комиссии №36 по второму вопросу было записано: «да» 305, «нет» 940 (в то время как по первому вопросу «да» 1014, «нет» 244). В этом случае, как и по участку №42, было очевидно, что содержимое строк «да» и «нет» поменялось местами.

В протоколах участковых комиссий №3, 7, 15 и 82 аналогичная ситуация обнаружилась с ответами по третьему вопросу. Однако различие в числе ответивших «да» и «нет» по третьему вопросу (в отличие от трех других) было не слишком велико, поэтому в тот момент у меня не было полной уверенности в том, что в данных протоколах содержится ошибка. Лишь после того, как я проанализировал результаты голосования по всем участкам, стало ясно, что в протоколах этих четырех комиссий содержимое строк «да» и «нет» по третьему вопросу тоже поменялось местами.

Семь лет спустя, когда автор работал над этой книгой, он обнаружил еще два участка с ярко выраженными аномальными результатами, которые были им пропущены тогда¹. В протоколе участковой комиссии №144, очевидно, поменялись местами строки «да» и «нет» по четвертому вопросу: в протоколе было записано — «да» 316, «нет» 872 (по остальным вопросам результаты близкие к результатам на других участках). В протоколе участковой комиссии №147 аномальный результат по второму вопросу: «да» 336, «нет» 587 (по первому «да» 728, «нет» 194). Обнаружены и другие аномалии: в некоторых случаях, по-видимому, были перепутаны результаты по первому и второму вопросам, так как число ответивших «да» по первому вопросу было меньше числа ответивших «да» по второму. На некоторых участках был аномально большой процент недействительных бюллетеней: так, в протоколе участковой комиссии №3 по четвертому вопросу значилось 12,1% недействительных бюллетеней; на этом же участке оказался наименьший процент ответивших «да» по четвертому вопросу (68,4%).

На заседании районной комиссии, которое проходило под утро 26 апреля, я предложил не утверждать итоговый протокол, а произвести проверку по участкам №36, 42 и 52. В ответ член комиссии Ю. А. Змиевский обвинил меня в том, что я не выполнил свои обязанности и не обеспечил компьютерную обработку протоколов (как я писал ранее, в компьютерной системе произошел сбой). Председатель комиссии В. И. Лебедев пошел на поводу у Змиевского и попытался устроить разбор моего «персонального дела»: главной моей виной было то, что я допустил постороннее лицо (депутата райсовета А. Н. Касаткина) в помещение, где шел ввод протоколов.

¹ Этот факт лишний раз свидетельствует о преимуществе электронных таблиц перед базами данных — в электронной таблице все аномалии обнаруживаются моментально.

Большинство членов комиссии не поддержали Змиевского и Лебедева, и обсуждение в конце концов удалось направить в нужное русло. Но в вопросе об ошибках в протоколах я остался почти в одиночестве. Лишь В. А. Белоусов поддержал меня, и то — только по участкам №42 и 52.

Аргументы большинства членов районной комиссии сводились к двум утверждениям. Во-первых, они заявляли, что комиссии не могли ошибиться. Мол, больше десяти человек подписали протокол. О том, что члены участковой комиссии могли подписать пустой протокол или подписать протокол не глядя, члены районной комиссии даже слышать не хотели (хотя сами зачастую подписывали пустые протоколы). Не подействовало и мое напоминание об ошибке в протоколе одной из участковых комиссий на референдуме 17 марта 1991 г. В этот момент я пожалел о том, что не настоял на разборе той ошибки.

Другой аргумент членов районной комиссии заключался в том, что в результатах голосования не может быть логики и закономерностей. Мол, избиратели часто ведут себя странно, так что и эти результаты нельзя считать аномальными.

В результате мое предложение поддержано не было, и итоговый протокол был утвержден. Я написал особое мнение, в котором выразил несогласие с результатами по участкам №36, 42 и 52. Белоусов также написал особое мнение, выразив несогласие с результатами по участкам №42 и 52.

Московская городская комиссия на своем заседании 28 апреля вначале утвердила свой итоговый протокол, а затем (в разделе «разное») была ознaкомлена с особыми мнениями членов районных комиссий. В протоколе заседания было отражено мнение председателя комиссии А. Г. Поршнева: «Выявленные недостатки не влияют на результаты голосования». В результате наши особые мнения были «приняты к сведению».

В первые же дни после референдума были найдены наблюдатели от «Демократической России», которые присутствовали в день голосования на участках №36, 42 и 52. Наблюдатель на участке №42 И. В. Мельников подтвердил, что в его копии протокола все данные соответствуют логике: по первому вопросу «да» 904, «нет» 301, по третьему вопросу «да» 191, «нет» 919. У наблюдателя на участке №52 Т. А. Рудаковой по четвертому вопросу также были записаны «нормальные» результаты: «да» 1058, «нет» 235. К сожалению, оба наблюдателя не дождались составления окончательного протокола участковой комиссии и не получили заверенной копии протокола; свои данные они списали с черновика протокола. Наблюдатель на участке №36 Е. Л. Айзенштат не обратил внимание на результаты подсчета голосов по второму вопросу и на странные цифры в протоколе: как он объяснял, его внимание было сосредоточено на результатах голосования по другим вопросам. Выяснилось также, что на двух участках при составлении протокола были допущены аналогичные ошибки, но они были вовремя исправлены благодаря вмешательству наблюдателей.

Айзенштат, Мельников и Рудакова написали в районную комиссию заявления с просьбой провести повторный пересчет голосов по участкам, где они были наблюдателями. Мне удалось связаться также с председателем участковой комиссии №52 Е. И. Семенченковым и секретарем комиссии А. Л. Столяровой. Они сказали, что сами не участвовали в подсчете голосов и цифр не помнят, но согласились, что цифры по четвертому вопросу в их протоколе странные. Они дали согласие собрать свою комиссию для пересчета. Пересчет был назначен на 30 апреля. Надо ли говорить, что никто из членов комиссии (кроме председателя и секретаря) на пересчет не явился, и он был сорван.

30 апреля проходило заседание районной комиссии, на котором вновь был поставлен вопрос об аномальных протоколах. На заседании присутствовало всего 9 членов комиссии, председатель не было, вела заседание заместитель председателя Э. Ф. Цветкова. На этом заседании 5 членов комиссии высказались за проведение проверки.

Следует отметить, что практически все заседания районной комиссии проходили без кворума, который составлял две трети от состава комиссии, то есть 13 человек (в комиссии в это время было 19 членов). Лишь в день голосования пришло 14 членов комиссии, но уже утром 26 апреля, при подведении итогов, нас осталось 12 — двое ушли, подписав пустой протокол. Не желая торпедировать работу комиссии, я никогда не обращал внимание на отсутствие кворума, в том числе и тогда, когда оставался в меньшинстве. Но на заседании 30 апреля член комиссии Змиевский повел себя по-другому: когда большинство присутствовавших на заседании высказалось за проверку, он заявил, что это решение неправомерно, потому что нет кворума.

Пришлось пускать в ход «тяжелую артиллерию». В Советский райсовет обратился народный депутат РСФСР М. Г. Арутюнов с просьбой разобраться в результатах голосования по семи участкам (№3, 7, 15, 36, 42, 52 и 82). 5 мая Малый совет райсовета, рассмотрев заявление Арутюнова, принял решение рекомендовать районной комиссии провести пересчет по этим участкам. После этого 12 мая районная комиссия согласилась провести пересчет, но для начала только по одному участку. По моему предложению был выбран участок №42.

Однако проверка была проведена лишь 3 июня. Причем, если первоначально речь шла об участии в пересчете всей участковой комиссии, то 3 июня от участковой комиссии был лишь ее секретарь. В пересчете участвовали также несколько членов районной комиссии, в том числе и автор этой книги, а также депутат райсовета С. И. Блохин.

И мы собственными глазами увидели, что аномалии возможны. Результаты пересчета подтвердили в основном данные, записанные в протоколе участковой комиссии. С небольшими отличиями: по первому вопросу число ответивших «нет» составляло не 904, а 867; по третьему вопросу число ответивших «да» было не 919, а 935. Такие различия пришлось признать

всего лишь «техническими ошибками, не влияющими на результаты голосования». На всякий случай проверили бюллетени и по второму вопросу: а вдруг именно по этому вопросу ответы поменялись местами. Да нет, и тут все соответствовало: большинство избирателей ответило «да».

Это был шок. Необходимо было признаться себе, что все твои выработанные с годами представления о закономерности и случайности ничего не стоят. Но постепенно шок проходил. И тогда все факты выстраивались в довольно логичную цепочку: и то, что с проверкой тянули месяц, и то, что присутствовал только секретарь участковой комиссии. А главное — ведь мы с Блохиным сами доставали пачки с бюллетенями из архива. Почему же мы тогда не придали никакого значения тому, что в архиве свободно лежат кипы неиспользованных бюллетеней?!

И тогда я полагал, и сейчас считаю, что ошибки в протоколах семи участковых комиссий не были сознательной фальсификацией. По-видимому, просто сказались усталость председателей и секретарей. Но то, что было сделано с целью скрыть ошибку...

Из всего нужно извлекать уроки. Я рад, что в 1999 г. по моему предложению в Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и Закон города Москвы «О выборах депутатов Московской городской Думы, Мэра и Вице-мэра Москвы и советников районного Собрания в городе Москве» были внесены нормы, обязывающие окружные и территориальные избирательные комиссии уничтожать оставшиеся у них неиспользованные бюллетени после окончания голосования. Внести бы еще такую норму в рамочный закон или избирательных кодекс.

По закону РСФСР «О референдуме РСФСР» бюллетени должны были храниться соответствующим Советом в течение двух месяцев, а затем уничтожаться. Но вот в октябре, когда началась подготовка к новым выборам и референдуму, мы получили от наших товарищей, работавших в одном из муниципальных управлений, информацию о том, что бюллетени апрельского референдума еще не уничтожены, а продолжают находиться в архиве бывшего райсовета. Возникло желание получить эти бюллетени и произвести самостоятельный пересчет.

Попасть в архив мы смогли лишь во второй половине ноября. Найти там удалось пачки с бюллетенями только двух участков с сомнительными протоколами — участка №52 и одного из участков, где было сомнение по третьему вопросу. Эти пачки были вынесены из архива. Через несколько дней, 28 ноября, была собрана группа из четырех человек — автора этой книги и бывших депутатов Советского райсовета В. А. Киселева, В. Б. Румянцева и А. М. Трофимова. Мы вскрыли пачки и произвели пересчет, который полностью подтвердил нашу правоту: в одном случае, действительно, строки «да» и «нет» по третьему вопросу поменялись местами; в другом (№52) — результаты пересчета полностью совпали с данными наблюдателя. Впрочем, даже пересчет был излишним: на пачках, как обыч-

но, были указаны итоги подсчета, которые расходились с тем, что было записано в протоколах участковых комиссий.

По результатам пересчета было составлено два протокола, которые подписали все участники пересчета. Затем я и Трофимов написали заметку для газеты и письмо в Центризбирком. В письме, переданном в Центризбирком 2 декабря, были предложения по недопущению подобных ошибок; в частности, предлагалось передавать срочно только предварительные итоги голосования, а с подведением окончательных итогов не торопиться. Центризбирком 17 декабря прислал мне телеграмму, в которой обещал учесть наши предложения в работе с окружными комиссиями и при разработке законодательства о выборах. Разработка Государственной автоматизированной системы «Выборы» позволила воплотить идею о срочном получении предварительных итогов голосования. Однако в определении окончательных итогов по-прежнему проявляется излишняя спешка, что приводит к многочисленным ошибкам. Примеры таких ошибок приводятся в последующих главах.

Написанную нами заметку вместе с копией протокола пересчета по участку №52 я передал 2 декабря корреспонденту газеты «Московский комсомолец» А. Степанову. 8 декабря 1993 г. Степанов опубликовал на первой странице газеты свою статью под громким названием «Белый дом, возможно, сгорел от свечки». Данные, приведенные в нашей заметке, были использованы Степановым лишь в небольшой степени. Статья начиналась так: «Между избирательными комиссиями и стрельбой вокруг Белого дома, похоже, есть некоторая связь. Все помнят, что Россия по результатам референдума высказалась против досрочного переизбрания и президента, и парламента. Интересные, однако, „всплывают“ корректировки по результатам референдума». Далее сообщалось о том, что два члена Советского райизбиркома, потребовавшие на апрельском референдуме перепроверки подсчета голосов, оказались отстраненными на новых выборах. Затем в статье сообщалось о том, что три депутата райсовета и один сомневающийся избиркомовец проверили бюллетени по одному из участков и обнаружили, что в протоколах, поданных «наверх», в три раза занижено число голосов, поданных за досрочное переизбрание парламента. Кончалась статья рассуждениями о том, что традиция сообщать «наверх» окончательные результаты подсчета в ночь после голосования и тут же прятать бюллетени в темный угол создает массу интересных возможностей.

Через шесть дней, 14 декабря, «Московский комсомолец» опубликовал опровержение за подписью Управляющего делами мэрии В. С. Шахновского. В ответе Шахновского было сказано, что Управление делами мэрии проверило факты, изложенные в статье Степанова. Шахновский сообщил, что «действительно, при подведении итогов голосования по району член районной избирательной комиссии Любарев А. Е. выразил особое мнение и потребовал пересчета результатов голосования по первому и третьему вопросам референдума. Районная избирательная комиссия 3.06.93 произ-

вела пересчет на избирательном участке №42 и установила...» (далее идут данные из акта районной комиссии). «Просьб о пересчете итогов голосования по другим вопросам референдума не было. Районная избирательная комиссия пересчет по ним не проводила. Никто из депутатов райсовета к выборным документам, сданным в архив, без разрешения районной избирательной комиссии доступа не имел».

Ответ Шахновского был подготовлен, очевидно, сотрудниками оргдела префектуры ЮАО, где работали многие бывшие сотрудники секретариата Советского райсовета. Они, естественно, не знали о нашей проверке, но догадались, откуда дует ветер. Как мне рассказал А. Ю. Бузин, который в это время был членом с правом совещательного голоса окружной избирательной комиссии по выборам депутата Государственной Думы по Варшавскому избирательному округу №192, один из сотрудников префектуры подошел к нему с этой статьей и спросил: «Твоя работа?», на что Бузин ответил: «К сожалению, не моя». Ко мне ни сотрудники префектуры, ни сотрудники Управления делами мэрии не обращались.

Публикуя ответ Шахновского, редакция «МК» проигнорировала то обстоятельство, что ответ был не по существу. Степанов писал заметку на основании протокола по участку №52, а в ответе Шахновского речь шла об участке №42. В заметке, которую я передал Степанову, было написано и о третьеиюньской проверке участка №42, так что в «МК» могли убедиться, что я от них ничего не скрыл. С другой стороны, в опровержении было много умолчаний, которые легко можно было вывить при сравнении с нашей заметкой. Например, то, что я (и не только я) требовал пересчета не по одному, а по трем участкам. Что касается утверждения о том, что депутаты не имели доступа к выборным документам без разрешения районной комиссии, то префектура и Управление делами мэрии не приняли в расчет, что наша проверка проводилась уже после того, как полномочия данной комиссии были прекращены (с прекращением полномочий районного Совета).

Обо всем этом я написал в письме Шахновскому и главному редактору «МК» П. Н. Гусеву. В письме Гусеву я просил опубликовать мое опровержение, так как считал, что публикация ответа Шахновского затрагивает мои честь и достоинство. В обоих письмах я писал, что если Управление делами мэрии действительно заинтересовано в проведении объективного и беспристрастного расследования, то мы готовы содействовать этому. Ответа ни на одно письмо я не получил.

Публикация без комментариев ответа, в котором опровергается не то, что написано в опровергаемой статье, могло бы свидетельствовать о непрофессионализме редакции. Но «МК» трудно заподозрить в непрофессионализме. Скорее всего, при публикации ответа Шахновского никто даже не подумал сравнить его с материалами, имеющимися в редакции. По-видимому, «смелая и независимая» газета просто не захотела перечить одному из руководителей мэрии (далеко не самому главному).